

18+

ДМИТРИЙ ПЕТЕЛИН

Серые

Дмитрий Петелин

Серые

«Издательские решения»

Петелин Д.

Серые / Д. Петелин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747075-3

Часы на руке главного героя останавливаются. Так же, как остановилось и время в форте. Последние солдаты последней войны застыли посреди бесконечности, но продолжают драться, не помня, кто они, где и за что сражаются. Кажется, что круг замкнулся и перемен не будет никогда, но они все же происходят — неожиданно, словно укол гвоздя в темноте. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-747075-3

© Петелин Д.
© Издательские решения

Серые

Дмитрий Петелин

© Дмитрий Петелин, 2020

ISBN 978-5-4474-7075-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сколько я себя помню, стрелки на моих часах всегда верой и правдой нарезали круги по циферблату, надо было только иногда подкручивать колесико завода. Но вот именно сейчас что-то там внутри заклинило или отвалилось, или стерлось, и привычное тиканье смолкло. Я прикладывал часы к уху, стучал ногтем по стеклу, но стрелки все равно остались на двенадцати минутах пятого. Самое паршивое было то, что неизвестно, как давно случилось это несчастье, и теперь никак не узнать, сколько мне до конца караула. Можно бы попытаться определить время по солнцу, но, наверное, точнее будет, если сделать это по моему гвоздомету или сухпайку: разобраться, где конкретно находится солнце в сером месиве над головой абсолютно невозможно. Скорее всего, дело в удачном расположении нашего форта относительно климатических зон – муть над головой не рассеивается ни днем, ни ночью, чему конечно способствует полнейший штиль, хотя, может, и наоборот. Серое небо намертво срослось с разбитыми серыми стенами, серыми плитами под ногами и отчаянно серой водой под мостом.

Надо сказать, что моя серая форма отлично сочетается с окружающей обстановкой. Пожалуй, черные кожаные ботинки выбивались бы из ансамбля, но они давно покрылись пылью и в глаза не бросаются. Единственное, что портит идиллию – флаг синих, висящий смехотворной тряпкой над вражеским фортом на другой стороне. Конечно, наш красный флаг тоже несколько выделяется, но он хотя бы не болтается, а гордо реет, благодаря приставленному к нему мощному вентилятору. Что еще важнее, реет он за спиной, вне поля зрения.

– Есть, чем гордится, – подумал я и застегнул ремешок на шлеме. Надо было сменить место дислокации, а то что-то конечности затекли. Я повесил гвоздомет на плечо, и, волоча за собой ящик с боеприпасами, пополз к краю укрепления. Вообще-то многие считают меня перестраховщиком, потому что я обычно таскаю с собой в караул ящик гвоздей, но, по-моему, гвоздей много не бывает. К тому же не такой уж он и большой, ну и привык я как-то к нему, да и вообще на переднем краю такие вещи не возбраняются.

Я аккуратно высунулся из-за кучи камней, за которой сидел. За мостом все вроде спокойно, форт синих никуда не делся, хотя выглядел не очень внушительно, нашими стараниями. Особенно после того, как пулеметчик Хэви написал пулями неприличное слово над «парадным входом». Конечно, после того как в букву «х» угодили две ракеты, а половина «й» отвалилась вместе с куском бетонной плиты, читается оно уже не так хорошо, как раньше, но нам, простым солдатам, все равно очень приятно. Правда Стратег, наш командир, насовал Хэвику хренов за то, что он извел чуть не три сотни патронов на неприличное слово и отобрал у него пулемет на четыре дня, дав взамен саперную лопатку и сигнальную ракетницу на всякий случай.

– Ну ничего, оно того стоило, – размышлял я, подползая на карачках к ДОТу, мирно торчавшему по соседству. За ним, у дальнего угла, уже сидел разведчик Пионер.

Тут могут возникнуть вопросы, почему он сидел за ДОТом, а не в нем: дело в том, что так уж вышло, что наш форт и форт синих, будь они неладны, изначально принадлежали одной из воюющих сторон. Правда никто не помнит, какой, но, судя по тому, насколько все сооружения были квадратные и неудобные, это дело рук наших. Так или иначе, это два рубежа одной линии защиты. В ходе ожесточенных сражений, то ли красные продрались через первую линию

защиты, то ли синие неожиданно оказались в тылу у красных и отбросили их на нынешние позиции – уже никто не помнит. В общем, трудно сказать, как, но так уж получилось, что наш форт стоял наоборот. Непреступная стена была сзади, откуда на нас могли напасть конвои с едой, припасами или подписными изданиями «Вестник солдата» и «Бденья караульного». С той стороны, где зевали обленившиеся синие, грозно ощетинились бойницами и турелями хоз. постройки, казармы, склады и нужник. Так или иначе, передний край был передним ровно настолько же, насколько землянки, в которых мы жили, были пятизвездочными отелями, а наш любимый ДОТ паялся амбразурами на нас же.

Но это вовсе не было трагедией, мы освоились и так, даже несмотря на то, что хоз. постройки со временем превратились в кучи кирпичной крошки, арматурин и разного строительного мусора (только нужник остался цел – на него синие не тратили ракеты и мины – все равно там никто никогда не засядет). Я, к примеру, знаю эти завалы как свои пять пальцев. Знаю, где пригнуться, где проползти, где можно встать в полный рост и ни одна синяя сволочь тебя не увидит, знаю, где простреливается любимая позиция вражеского снайпера, откуда видно «тайный лаз», ведущий под мост, и знаю, что там – нычка нашего сапера Ахтунга. Кстати, его храбрости мог бы позавидовать сам бог войны: ночью, в кромешной темноте, не включая фонарика, чтоб не поймать пулю или, чего доброго, ракету, рискуя подорваться на собственных растяжках, отважный сапер просачивался туда, чтоб в спокойной обстановке пожарить тушенки и фруктовых леденцов.

Помимо упомянутых ухищрений, на позициях имелись и другие полезные вещи: комфортабельные окопы, мешки с песком, колючая проволока и три противотанковых ежа. Зачем требовались последние, а тем более, откуда они взялись, никто не знал, но это не помешало им занять заметное место в нашей отлаженной системе обороны. Выше упомянутый ДОТ, как и все остальное, из стратегических соображений использовался не совсем по инструкции — из-за него просто выглядывали. Именно этим, при помощи палки с приделанным к ней куском зеркала, занимался Пионер.

– Ну, как там синяки? – поинтересовался я, устраиваясь у противоположного угла.

– Держат глухую оборону.

Разведчика прозвали Пионером не зря. Сначала, когда он только прибыл, – просто из-за внешности: вечно румяная холеная рожа, значки отличия на отутюженной форме, начищенные до блеска пуговицы, бляшка ну и, конечно, ботинки в которых можно было увидеть собственную физиономию. Потом, когда он, как и все мы, покрылся пылью и стал равномерно серым, – его стали называть Пионером уже исключительно за личные качества. Ну кто еще мог сказать про синих мудил, что они держат глухую оборону? Дажедохлым рыбам под мостом понятно, что они подпустили в штаны и стесняются теперь высунуться. С другой стороны, никто кроме Пионера не додумался бы приделать зеркало к палке и высовывать его из-за укрытия, вместо того, чтобы высовывать собственную голову.

– Стратег сказал, что надо выявить огневые позиции противника, – комментировал Пионер.

– Ну и как, выявляются?

– По бойницам маячит кто-то. Дозор вышел, по левому флангу на своей стороне шарит.

– Когда нас сменят?

Пионер собрался что-то ответить, но вдруг зеркало звякнуло и разлетелось вдребезги, палка отлетела в сторону, а через секунду раздался гулкий хлопок со стороны синих. Ну началось... Раньше Пионер начал бы дергаться, верещать что-нибудь в рацию, докладывать обстановку и заниматься прочей фигней, но, поторчав немного в форте, он, к счастью, стал почти таким же, как все мы. Что-то прошипел сквозь зубы, взялся за стоящий рядом автомат. Я только воздел глаза к серому небу. «Ну вот какого..? Караул, наверняка, вот-вот должен был закончиться». Серое небо не ответило. Я вздохнул, перекинул ремень гвоздомета через плечо,

свободной рукой взялся за ручку ящика и, пригнувшись, пошел к противоположной стороне ДОТа.

– Насухую побежим? – пробухтел я находу.

– Давай с пашкой.

– Угум.. Я ему поднакидаю, а ты давай к кишке. Как засядешь – поддержишь – поползу к мешкам.

– А ящик?

– Ящик при мне, не ссы.

– Я говорю, с ящиком добежишь?

Я только цокнул языком. Я тут с этим ящиком в обнимку гонял, когда он еще... Да какая разница, в общем-то. Зато у него есть дымовая пашка, а у меня вместо неё в сумке банка с тушенкой. К тому же до укрепления из мешков недалеко, открытых мест немного, но придется ползти. До траншеи, в народе – кишки, бежать подольше. И надо именно бежать, чтоб не схлопотать свинца в ягодицу. У Пионера больше шансов добежать, а у меня – доползти. Мы оба это знаем.

– Он в третьей бойнице... Я готов, – услышал я из-за спины.

Пионер всегда готов.

– Погоди.

Я присел на корточки и плечом прижался к ДОТу. Гвоздомет наизготовку, приклад в плечо, палец на крючке.

– Готов.

Пионер дернул чеку и бросил пашку. Щелчок, потом шипенье, как будто спустило колесо. Вот и дымовая завеса для отступления. Вдалеке снова раздался выстрел. Бьет в дым наугад, совсем гад оборзел, видно, патронов много. Я вывалился из-за ДОТа с гвоздометом наперевес, плюхнулся на колено и нажал на спусковой крючок. Одновременно под прикрытием дыма Пионер прямо с места преодолел звуковой барьер и помчался к траншее.

Каждый выстрел из гвоздомета – это как вбивать гвоздь в танк – звук, по крайней мере, такой. Как описать очередь из гвоздомета еще обоих стволов? Могу только сказать, что это прекрасно. На такое расстояние стрелять надо навесом – так что целюсь «по гвоздям». Бью по бойницам, сначала немного в третью, что чуть правее «парадного входа», а потом – в четвертую, крайнюю. Снайпер, как пить дать, перебежал туда. Откуда я знаю? Интуиция? Может. А может, потому что он всегда так делает. Жаль, некому ему об этом сказать. Если я когда-нибудь попаду в засранца, пришлют нового. Он, скорее всего, будет бегать хаотично, что крайне неприятно. Хотя убить взрослого мужика в каске и хотя бы в верхней одежде с такого расстояния из гвоздомета крайне маловероятно. Может, только какого-нибудь енота или там бобра, я не знаю. И то если в глаз попадешь.

Гвозди щелкают о края бойницы, о серые стены, что-то залетает внутрь форта наших синих друзей. Это мой вклад. Надеюсь, хоть стены им внутри поцарапаю. Или кто-нибудь наступит на мой гвоздь и испортит сапог. Нельзя только, чтоб ногу кто-нибудь проткнул. А то отправят в лазарет, рожу разьедают. А на его место пришлют – да-да, все правильно – какого-нибудь нового и непредсказуемого сукиного сына.

Сзади донеслось хилое пуканье автомата Пионера. Значит он на месте, и уже прикрывает моё отступление. Гвоздомет за плечо, на ходу хватаю боезапас и, согнувшись, ломлюсь к развалинам здания кухни. Их уже почти сравняли с землей, теперь это укрепление для тех, кому не лень долго протирать пузо, надо только добежать...

– Пионе-ер! – ору я во всю глотку, – Он сейчас в первую побежиит! Бей в первую!

И почему я думаю, что он меня услышит? Оглядываюсь на бегу: Пионер поливает из своей сикалки четвертую бойницу, в которую стрелял я.

– Огонь на первую бойницу!

Рядом с ухом прожужжало. Я тут же плюхнулся на бетонные плиты, пододвинул поближе ящик; жаль он мне только по колено, а то свернулся бы калачиком и совсем спрятался. Так или иначе, в такие моменты, все понимают на кой черт мне ящик с гвоздями на передней линии.

– Живой? – крикнул Пионер по рации.

– Стреляй давай, – проорал я, – теперь в третью стреляй!

– Говори в рацию, хватит орать.

– Пошел в жопу! – проорал я еще громче. – Огонь на третью бойницу!

Когда слышишь, как пуля прожужжала под ухом, уже поздно волноваться. Она же уже пролетела, уже прожужжала. Уже разрежала воздух в паре сантиметров от твоей башки, значит – не твоя. Но почему-то все равно кажется, что именно это был твой личный кирдык. И он все еще витает в воздухе рядом с тобой, и хочется как-нибудь подтянуть коленки к животу, стать в четыре раза меньше, спрятаться за ящиком с гвоздями и лежать так, пока эта синяя сволочь не ослепнет от старости и не потеряет способность целиться даже при помощи толстых очков и оптического прицела.

Я отогнал от себя упаднические настроения, вцепился в ящик и геройски пополз к развалинам, оставляя в пыли и каменном крошечке волнообразный след, как будто проползла гигантская змея с одной ногой.

Откуда-то сверху с нашей стороны ухнул ракетомет. Не переставая ползти, я посмотрел вверх. На стене стоял Сол и совал новую ракету в свою адскую трубу. Конечно, он не попал во вражеского снайпера, и, в общем-то, хорошо, что хотя бы попал во вражеский форт. Но все мы, в том числе и снайпер, знаем, что ракетой вполне можно убить не только енота или бобра. И для этого вовсе не обязательно попадать в глаз. Так что теперь синий снайпер, скорее всего, решит передохнуть. Присядет под бойницу, прислонит винтовку к стене, и, быть может, даже закурит на посту. А я поползу дальше, доберусь до укрепления из мешков и займу там глухую-преглухую оборону. В глухой обороне я спокойно и досижу до конца караула. Как говориться, до следующей встречи.

Раньше после караула мы отчитывались лично Стратегу. Это была отдельная отлаженная и бессмысленная процедура.

Сначала мы заходили в «оружейную», вернее в землянку, которая заменяла оружейную, чистили там свое грозное оружие, и оставляли его на хранение. Потом ставили свои росписи в каком-то большом журнале и в отдельной колонке указывали, сколько боеприпасов за время вахты мы извели на всякую ерунду. Отчитываться за отстрелянные гвозди – самое похабное и абсурдное занятие, которое только можно придумать, но таков приказ Стратега. Во имя сохранения дисциплины в наших не самых стройных рядах. Со временем, я научился стучать магазином по чьей-нибудь каске и на звук определять, сколько гвоздей осталось. Еще чуть позже я научился забывать про записи в журнале, все остальные нормальные люди – тоже. Несмотря на это, журнал всё-таки закончился. Я выяснил это, когда однажды после вахты мне срочно понадобились пару листов нежесткой бумаги. Последние страниц двести были исписаны подробными отчетами Пионера.

К счастью, Стратега отпустило, за дисциплину он стал бороться другими способами и про журнал забыл. Так или иначе, другого журнала в форте все равно не нашлось бы.

Далее после посещения «оружейной» надлежало зайти в «казарму», чтобы оправиться. Затем, без лишней волокиты, жертва шла лично на доклад в «штаб» Стратега. Двухкомнатная халупа для караульных на КПП, оборудованная настоящими окном и дверью, была самым полноценным жилым строением в форте, и, конечно, её занимал наш командир. Простая солдатня – то есть, все остальные – прекрасно проводили время в упомянутой «казарме» –

большой и довольно глубокой квадратной яме, накрытой сверху остатками строений, оставшихся по ту сторону стены. Чтобы их добыть, Стратег лично разработал хитроумную операцию с отвлекающими маневрами, а простая солдатня под плотным вражеским огнем на своем горбу таскала пригодные к повторному применению стройматериалы.

Когда экзекуция у командира заканчивалась, жертва могла одупляться до следующего караула любыми доступными способами: спать, есть, справлять нужду, читать уставные издания, повторно чистить оружие, чистить ботинки, чистить форму, заниматься на спортплощадке. Последней, кстати, могла быть любая территория вне «казармы» и «штаба» кроме выгребной ямы и отхожего места. Спортплощадка была оснащена качественной землей, от которой можно отжиматься, на ней же делать приседания и качать мышцы пресса.

Все это, однако, было в прошлом. Теперь на доклад к Стратегу надо было ходить только в экстренных случаях. Оно и не мудрено. Каждый божий день по несколько раз слушать одну и ту же ересь, про то, что все штатно, только нужно разнообразие в пище и досуге – это само по себе неслабое испытание для психики. Отдушиной мог стать все тот же Пионер. Но ему тоже не нравилась эта занудная бюрократия. Поэтому он её хоть и выполнял до последней запятой, но как-то без души, что бросалось в глаза начальству гораздо сильнее среднестатистической тупизны подчиненных.

После неприятного инцидента с общей тревогой и обвалившимся входом в «оружейную», оружие на хранение мы тоже перестали сдавать. Кто как, а я заходил туда только, чтобы почистить гвоздомет, освежить запас гвоздей и оставить ящик. Впрочем, последнее время, ощущение дискомфорта от отсутствия боезапаса достаточного, чтобы положить человек пятьдесят, перевешивало нежелание таскать с собой лишний груз, и ящик я всё-таки забирал с собой в казарму. Тем более, всегда есть, куда присесть. В условиях повышенной комфортабельности нашего форта, это тоже немаловажно.

Сам рапорт Стратегу заменился шпионской миссией, проскочить незаметно мимо его апартаментов. Правда, что-то и это стало совсем просто. Уже довольно давно командир был занят общением с рацией. К сожалению, это был монолог: Стратег увещевал Гранит, чтобы тот ответил Холму. Гранит хранил молчание, не сообщал стратегическое положение, не говорил, куда делись конвои с провиантом, не обнадеживал хорошими новостями. Плохими, впрочем, тоже не расстраивал. Командир волновался сильно и за всех нас. Мне было все равно, потому что пока всего хватало. Невкусной, но питательной еды еще было много, ящик был до упора забит гвоздями, и в оружейной были еще. Плохо только то, что мой рапорт Стратег явно никому не передал. Просто потому, что некому. Я просил командование выписать в наше распоряжение кое-какое свежее снаряжение. Да что греха таить, я уже давно грезил о перфораторе «Василек 3М». Последняя выдумка наших мозгорей с большой земли – модернизированный гвоздомет с тремя вращающимися стволами. «Вестник солдата» в красках описал восторги счастливых обладателей «Василька». Небывалая убойная сила, сумасшедшая скорострельность – и, главное, совершенно оглушительный грохот во время стрельбы. Что тут говорить – мечта поэта, да и только. Но – увы – мечта остается мечтой, а журнал, поведавший мне об этом чуде, уже пожелтел, выцвел и начал потихоньку рассыпаться в пыль. И ничего не изменится пока Гранит не выйдет из спячки. Ну и еще после этого неопределенное количество времени.

Проходя мимо штаба, я не только не стал пригибаться, чтоб проскочить под окном и не попасться на глаза Стратегу, но и набрался наглости, заглянуть внутрь. Богатое убранство комнаты по-прежнему состояло из серых стен, украшенных трещинами, идеально заправленной солдатской койки, маленькой солдатской табуретки и тумбочки, стоявших рядом, а также – покосившегося стола с рацией, за которым восседал командир на стуле с самой настоящей спинкой. Сегодня Стратег был особенно поникшим. За годы службы я научился с легкостью распознавать настроение начальства даже по затылку. Седой ежик торчит как-то неуверенно,

плечи опущены, нет твердости в мышцах шеи. Это значит одно – старику взгрустнулось, и нам всем – хана.

Когда командиру грустно, он развлекается тактическими играми с синяками. В почете – борзые вылазки на передний край, бестолковая беготня под пулями и стрельба во все стороны. Самое приятное, что целью всего действия будет что-нибудь несуществующее и абсурдное, но зато прекрасно подходящее для рапорта. «Рекогносцировка местности» – отличный вариант. «Разведка боем» – тоже неплохо звучит. Или наше любимое: «пассивно-агрессивное наступление».

– Вот скажи мне, Гвоздь: ты вообще что-нибудь видишь? – Сол лежал на пузе и выглядывал в пролом в стене. Ничерта не видно, но он все равно будет пялиться в темноту, потому что такой приказ. Сол всегда делает, что ему приказывают, он прямой и надежный, как его ракетомет. Покрупнее меня, но не такой буйвол как Хэвик, сильный и выносливый, резкий, как диарея после просроченной тушенки, Сол – идеальный солдат. Машина для запуска ракет в противника – вот кто он. С высоким запасом прочности, не склонный к сантиментам и обсуждению приказов. Именно поэтому Стратег его сует на самые ответственные места. А заодно и меня, потому что мы, видите ли, сработались.

– Я, Сол, не вижу вообще нихрена, – ответил я сонно.

Как ответственно заявил Стратег на инструктаже, у нас самая, что ни на есть, ключевая позиция: мы держим казарму. Не ту казарму, в которой сейчас живет наш личный состав, а ту, которая осталась между нами и синими. Как и все остальное, что было между нами, казарма представляла из себя насквозь дырявое и полуразрушенное взрывами здание. Зато в ней чудесным образом сохранился один лестничный марш и половина второго этажа, где мы и залегли, чтоб контролировать обстановку. Так что нам с Солом доверили почетную и невыполнимую задачу: мы держим центр и прикрываем сапера Ахтунга с Пионером.

– А все потому, Гвоздь, что ты там, по-моему, вообще спишь.

– Возможно, – честно ответил я.

Мы залегли на расстоянии друг от друга, чтобы нас, если что, не накрыло одной ракетой. Поэтому я не могу ткнуть Сола гвоздометом в бок, чтобы он отвалил.

– А вот, скажи мне Сол, ты вот не спишь, и где там Пионер с Ахтунгом?

– Э-мм. Да вон они... У ежей корячатся. Хотя нет... Вон у... нет...

– Благодарю за службу, боец Сол. Не теряйте бдительность.

Рациями мы старались не пользоваться: плохая примета. Среди солдат есть легенда, что синяки нас прослушивают. Само собой, какого-то приспособления для прослушки у синих никто никогда не видел, пленного поэтому поводу не допрашивал, потому что ни разу никто не ловил никаких пленных, да и сокрушительных поражений из-за утечки важной информации по радиоканалам, мы, кажется, не терпели. Последнее – наиболее сомнительный аргумент, потому что никакой важной информации у нас и в помине не было. В общем, подтверждений этой байке не имелось, как и опровержений. Так что мы с Солом предпочитали перешептываться. Благо, ночь, как и всегда, была тихая и безветренная.

Полный штиль, небо затянуто облаками. Единственный из наших, кто хоть что-то сейчас видит и хоть чуть-чуть понимает, что происходит – это Пионер: ему выдали последний работающий прибор ночного видения. Когда Пионер доведет Ахтунга до моста, прибор ночного видения перейдет к нему. И тогда уже Пионер будет жмурить глазки, чтоб поскорей привыкнуть к темноте, а сапер Ахтунг начнет ставить свои чертовы машинки.

– Со-ол, – позвал я.

– А? – Сол продолжал пялиться в темноту.

– Слушай, а ты сколько уже здесь?

– Ты че, Гвоздь, совсем охренел? Столько же сколько и ты. Минут сорок уже пузо протираем.

– Да нет. Не здесь, в казарме. Вообще в форте.

Сол задумался.

– Когда я пришел, ты ведь уже тут был? – я подкинул навоящий вопрос, чтоб у Сола под каской закрутились шестеренки.

– Ну да. Кажется. А когда ты пришел?

Я уже открыл рот, чтобы сказать, что хрен его знает, как квакнула рация и начала трещать голосом Пионера:

– Подходим к точке Центр. Смотрите внимательно. Как поняли?

На меня словно ящик гвоздей вывалили, я даже вздрогнул. Пионер, только Пионер способен на такое. Но зато никто не расшифрует его послание, даже если подслушает. Тот факт, что как только кто-то начинает базланивать по рации, тут же происходит какое-нибудь незапланированное дерьмо, его вообще никак не волнует. Суеверия совершенно чужды засранцу.

– Мы у точки «Центр», – не унимался Пионер, – Как поняли? Идем на «Минус первый этаж».

– Ай, да чтоб тебя! – не выдержал Сол, и схватился за рацию, – Понял тебя отлично! Продолжай движение.

Сол выговаривал слова очень четко и ясно. Он всегда так делал, когда хотел кому-нибудь продемонстрировать, что говорит с ним как с дебилом.

Я подтянул ремешок на каске, пододвинул ящик поближе, так чтоб прикрыть дырку в стене чуть правее от меня и начал нервно поглаживать гвоздомет. Сейчас начнется.

У кого как, а у меня паника живет где-то в желудке, наружу показывается и идет дальше по организму, когда чует запах нехорошего предчувствия. В результате появляется учащенное дыхание, легкое дрожание пальцев и слабость в коленках. Наверное, со мной первый раз такое было, когда... не помню, когда. Точно могу сказать, что потом это надолго прекратилось, и началось опять совсем недавно. Знать бы еще почему. Раньше эта моя сверхсила – чуть неприятности – шла только на пользу: я всегда вовремя покидал места, куда собиралось прилететь что-нибудь свинцовое или взрывоопасное. Но теперь все изменилось. Баланс сил нарушен. Как только меня осеняет, что пора дергать, мозг тут же выстреливает ответный импульс, что каюк наверняка ждет меня там, куда я собрался дернуть, поэтому самое главное для нас мозгом – это остаться на месте и втянуть голову в плечи посильнее. В результате, я постоянно дергаюсь, плохо стреляю и туплю почем зря. На переднем краю с такими удивительными личными качествами долго продержаться не получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.